

A movie poster for 'The Weave of the City' (Ткань Города). It features a man and a woman in a romantic pose. The woman is wearing a red velvet dress, and the man is in a dark, ornate coat. They are set against a backdrop of a large, gothic-style city with a full moon. Golden light trails swirl around the couple. The title 'ТКАНЬ ГОРОДА' is written in large, golden, stylized letters.

ТКАНЬ ГОРОДА

Роман Кубов

18+

Роман Кубов
Ткань города

«Автор»

2026

Кубов Р.

Ткань города / Р. Кубов — «Автор», 2026

Город Валентре стоит на ткани: полотно вплетено в семь столпов и держит ветер, воду и камень. Ткань латает Хранитель, которого выбирает совет. Отбор идёт семь недель — семь испытаний, семь претенденток, шесть дочерей цеховых старшин и одна лишняя строка внизу списка: Лея Марр, ткачиха из Нижнего квартала, мастерская на две рамы и долг в четыреста марок. Её вписали по ошибке, но ошибку можно исправить, только выйдя из отбора, а вышедший теряет место. Лея остаётся — и приносит в отбор то, чего нет ни у одной из семи: умение слушать нить ладонью. В пяти столпах нить уже глухая: машинная, ровная, дешёвая, она держит камень и не держит воду, и кто-то два года вшивает её в город по куску. Чтобы вынуть испорченное, нужны ночь, семь женщин, восемь вёрст по старому руслу под четырьмястами домами и согласие города, которого не спрашивали триста лет.

© Кубов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Имя в списке	5
Глава 2. Семь и одна	9
Глава 3. Восемь часов	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ткань города

Глава 1. Имя в списке

Полотно в мастерской пахло мокрой шерстью и уксусом, и Лея Марр знала этот запах лучше, чем запах собственной кожи.

Она стояла у станка с четырёх часов утра. К восьми на раме лежало полтора локтя основы, ровной, как вода в шлюзе, и Лея уже дважды перевязала третью нить, потому что та лохматилась. Нить была старая, из отцовских запасов, и в ней попадались узелки. Узелки в основе — это как узелки в мыслях: пока их не видно, всё идёт, а потом полотно встаёт косо, и хоть выбрасывай.

— Лея, — сказала Тилла от двери. — Ты слышишь?

— Слышу.

— Ничего ты не слышишь. — Тилла вошла, поставила на стол корзину с хлебом и луком и вытерла руки о передник. — Я третий раз говорю.

— Тогда говори в четвёртый.

Тилла работала кухаркой в Речном квартале, у харчевни «Три весла», и знала новости раньше, чем их успевали вывесить. Она приносила их вместе с хлебом — так у них повелось ещё с тех пор, когда Лея была девчонкой, а Тилла уже умела торговаться.

— Совет объявил отбор, — сказала Тилла.

Уток в руке Леи остановился.

— Когда объявил?

— Вчера к вечеру. Список вывесили на Соборной площади, утром уже читали вслух. Семь имён, семь претенденток. Через неделю первое испытание.

Лея положила челнок на раму и вытерла пальцы о фартук.

— Ну и хорошо, — сказала она.

— Хорошо?

— Хорошо, что объявили. Ткань держится восемь часов после заплаты, Тилла. Восемь. Я это вижу по станку, а станок у меня в Нижнем квартале, где полотно провисает сильнее всего. Мне не нужно ходить к столпам, чтобы понимать: город держится на честном слове и на моей третьей нити.

Тилла села на табурет и посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который сказал что-то правильное и очень глупое.

— А теперь послушай, что я скажу, — произнесла она. — Список составлял совет. Семь имён. Все семь — из Верхнего квартала и из Соборного, дочери цеховых старшин, мастерицы с порукой. И восьмое.

— Восьмое?

— Восьмое, — сказала Тилла. — Внизу, отдельной строкой, приписанное другим почерком: «Лея Марр, ткачиха, Нижний квартал, мастерская Марр».

В мастерской стало тихо. За окном кто-то катил бочку по камням; бочка подпрыгивала на стыках, и звук был как счёт.

— Это ошибка, — сказала Лея.

— Я тоже так подумала.

— В списках бывают ошибки. Писарь взял имена из книги долгов: я там на второй странице, четыреста марок, просрочено две недели. Он вписал меня по ошибке.

— Писарь вписал тебя в список претенденток, — сказала Тилла. — Не в список должников. В претендентки, Лея. Отдельной строкой, внизу. Люди уже смеются: мол, до совета дошло, что ткань держат не по родословной.

Лея взяла со стола ножницы и положила обратно. Потом взяла снова.

— Я пойду посмотрю, — сказала она.

— Посмотри, — согласилась Тилла. — Только, Лея, имей в виду: если имя в списке, то выйти из отбора можно, только потеряв место. Это правило совета. Кто вышел — тот больше не держит мастерскую.

— У меня и так её отберут через две недели.

— Тогда, — сказала Тилла, вставая, — у тебя есть две недели, чтобы стать Хранителем и не отдавать никому ничего.

* * *

Соборная площадь была полна.

Лея пришла в полдень, в рабочем фартуке, с синими от индиго пальцами. У столпа с объявлением стояли те, кто пришёл смотреть, и отдельно те, кого привели смотреть на них. Дамы из Верхнего квартала носили платья цвета старого вина и перчатки, у которых каждый палец был отдельным произведением.

Объявление висело на доске под стеклом. Бумага плотная, с восковой печатью совета, буквы ровные:

«Совет города Валентре объявляет отбор Хранителя ткани. Семь недель, семь испытаний. Претендентки: Ясна Корв, дочь цехового старшины; Ольвина Кресс; Мирада Эль; Керта Донн; Ирма Вейс; Вила Сорн; Лея Марр».

Восьмой строкой, внизу, приписано другим почерком — тонким, торопливым: «Исправлено по книге мастерских».

Лея читала эту строку долго.

— Ошибка, — сказала она вслух.

— Боюсь, что нет, — ответил кто-то за её спиной.

Она обернулась.

Мужчина был высокий, в тёмно-сером кафтане без вышивки, с узкой папкой под мышкой. Лицо у него было спокойное и очень усталое, как у человека, который давно не спит и давно привык, что его за это не благодарят. На левой руке, у большого пальца, белел старый шрам — тонкий, ровный, длиной в два сустава.

— Вы кто? — спросила Лея.

— Дариан Вельт, распорядитель отбора, — сказал он. — И мне нужно с вами поговорить до того, как начнётся неделя.

* * *

Кабинет распорядителя был в Соборном доме, на втором этаже, и в нём пахло бумагой и мылом.

Дариан Вельт положил папку на стол и открыл её.

— Восемь претенденток, — сказал он. — В списке семь.

— Значит, вы уже нашли ошибку.

— Я нашёл не ошибку. — Он перевернул лист и повернул к ней. — Смотрите. Список готовили четыре недели. Семь имён, все с поручительством цехов. За день до вывешивания внизу появилась восьмая строка, и подпись под ней — писаря Кеста.

— И что?

— И то, что Кест не имеет права вписывать претенденток. — Дариан сложил руки на папке. — Он вписывает должников, ремесленников и вызовы в совет. Он может вписать вас в список мастерских, у которых отбирают место. Он не может вписать вас в отбор.

Лея села на стул, потому что ноги у неё вдруг сделались не её.

— Вы хотите сказать, что кто-то сделал это нарочно.

— Я хочу сказать, что кто-то воспользовался молодым писарем и его почерком. — Дариан помолчал. — И я хочу понять, зачем.

— Затем, что я хорошая ткачиха, — сказала Лея.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни насмешки, ни удивления.

— Насколько хорошая?

— Достаточно, чтобы мастерская моего отца держалась одиннадцать лет после его отъезда, — сказала она. — И достаточно, чтобы понимать: ткань в Нижнем квартале истончилась на два пальца, а в Верхнем — ни на один. Это значит, что латали не там, где рвётся.

Дариан Вельт закрыл папку, и Лея успела заметить, как коротко, очень коротко у него дёрнулась рука.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь слушайте правила. Их три, и они не обсуждаются.

— Слушаю.

— Первое: распорядитель не помогает никому. Ни советом, ни словом, ни молчанием. Если я подам вам руку, отбор перестанет быть отбором, и город получит Хранителя, которому не верит.

— Разумно.

— Второе: претендентки не сближаются друг с другом и со мной. Ни ночей, ни разговоров сверх испытаний. — Он сказал это ровно, как читают по бумаге, но на слове «ночей» остановился на полвздоха. — Это правило старое и глупое, но совет держится за него триста лет.

— Почему?

— Потому что Хранитель не должен делить нить, — сказал Дариан. — Нить одна. Если её делят двое, она рвётся у обоих.

Лея хмыкнула.

— А третье?

— Третье: вышедший из отбора теряет место, — сказал он. — Вы можете уйти сейчас, до начала недели. Тогда ваше имя снимут по ошибке писаря, а мастерская останется вашей, и долг будет ваш, и никто не скажет, что вы испугались.

Лея посмотрела на его шрам, на папку, на окно, за которым площадь гудела.

— Господин Вельт, — сказала она. — Сколько вы были распорядителем?

— Девять лет.

— И сколько человек за девять лет ушли до начала?

— Ни один, — сказал он.

— Вот и я не уйду. — Лея встала. — Не потому, что я храбрая. Потому что через две недели у меня отберут мастерскую за долг, а в отборе у меня есть семь недель и есть шанс. Это несложная арифметика, господин Вельт. Даже писарь бы справился.

Впервые за весь разговор он улыбнулся — коротко, будто это движение было ему неприятно.

— Тогда, — сказал он, — до первого испытания семь дней. Приходите в понедельник к семи утра, к северному столпу. И, госпожа Марр, — он открыл дверь, — приходите в своей одежде. В отборе ценится не перчатка, а рука.

* * *

Дома Лея просидела до полуночи на полу мастерской, среди мотков, и считала.

Четыреста марок долга. Две недели до срока. Семь недель отбора. Семь испытаний, семь претенденток, семь столпов, на которых держится ткань.

Она пересчитала ещё раз: если она не станет Хранителем, через две недели станок, рамы и полтора локтя основы уйдут с молотка в Речном квартале, и она пойдёт в подмастерья к чужому мастеру. Честно — и конец.

А если станет — она будет одна держать нить, которую до неё держала Туве двенадцать лет, и которая сейчас истончилась на два пальца.

Лея легла на пол, подложив под голову свёрнутое полотно, и долго смотрела в потолок, где между балками висела старая паутина с дырой посередине.

— Латать надо не там, где красиво, — сказала Лея в потолок. — Латать надо там, где рвётся.

Потолок не ответил. За окном Речной квартал гасил огни, и на Соборной площади, под стеклом, висел список из восьми имён, последнее из которых вписали ночью, чужой рукой, по чужой надобности.

Лея повернулась на бок и закрыла глаза, и перед сном успела подумать одно: кто-то очень хотел, чтобы в этом отборе была ткачиха из Нижнего квартала.

Оставалось понять — зачем.

Глава 2. Семь и одна

Северный столп стоял на краю Речного квартала, у самой воды, и был он не похож на башню, как думают приезжие, а похож на колодец, сложенный из серого камня и накрытый сверху деревянным шатром.

Лея пришла к семи утра, как велено. У столпа уже стояли шестеро.

Она сразу узнала Ясну Корв — дочь цехового старшины, в тёмно-синем платье без единой складки, с косой, уложенной так, что на это ушло, наверное, полтора часа. Ясна держалась прямо и смотрела на всех с вежливым любопытством человека, которому с детства говорили, что он будет первым, и который до сих пор в этом не сомневался.

Рядом стояла Ольвина Кресс, старше всех, лет сорока, с руками, изрезанными, как карта, и с корзиной мотков.

Мирада Эль и Керта Донн держались вместе, как соседки по скамье: без дружбы, но и без вражды. Ирма Вейс то снимала с руки нитяной браслет, то надевала снова.

А в стороне, у воды, стояла девушка в платье, великом ей на размер, и держала руки так, что было видно: она не знает, куда их деть: Вила Сорн, девятнадцать лет.

Дариан Вельт вышел из шатра ровно в семь и встал так, чтобы его видели все.

— Доброе утро, — сказал он. — Я распорядитель отбора, меня зовут Дариан Вельт. Правила вы знаете. Я повторю их один раз, чтобы потом не было разговоров.

Он говорил спокойно, без нажима, и от этого его слушали.

— Отбор длится семь недель. В каждой неделе одно испытание. Кто не проходит испытание — выходит из отбора и теряет место. Кто выходит сам — теряет место и уходит. Распорядитель не помогает никому. Претендентки не сближаются ни между собой, ни со мной. — Он сделал короткую паузу. — Испытания будут проходить при городе. Совет считает, что Хранителя надо выбирать открыто, а не в кабинете.

— А совет не считает, что открыто — это когда все смотрят и никто не помогает? — спросила Ольвина Кресс, и в её голосе не было ни капли почтения.

— Совет считает, что открыто — это когда все смотрят, — ответил Дариан. — Что при этом думают смотрящие, совет не уточнял.

Кто-то фыркнул. Лея не поняла кто, потому что смотрела на столп.

Столп был старый. Камни в нём лежали плотно, но между двумя верхними швами пробивалась трава, и это значило, что шов разошёлся. Лея прикинула: если шов разошёлся на палец, то нить внутри провисла на два, а провисшая нить не держит ветер — она его ловит.

— Первое испытание, — сказал Дариан, — ветер. Сегодня к полудню с реки придёт северный ветер, он будет идти шесть часов. Столп держит нить. Нить держит ветер. Ваша задача — удержать нить так, чтобы к вечеру шов на столпе не разошёлся больше, чем на палец.

— А если разойдётся? — спросила Вила.

— Тогда мы это увидим, — сказал Дариан, — и запишем.

— И всё?

— И всё, — сказал он. — Столп не рассыплется за вечер. Если бы он рассыпался, был бы срочный ремонт и очередь желающих заработать.

По толпе прошёл смех, и Лея поняла, что Дариан Вельт девять лет делает эту работу и умеет снимать страх, не обещая ничего хорошего.

— Внутри пускают по одной, — продолжил он. — По часу. Порядок — по списку. Первая — Ясна Корв.

* * *

Лея сидела на камне у воды и слушала.

Слышно было плохо: ветер шёл с реки. Но из шатра доносилось, как кто-то двигается — тихо и уверенно, как ходят люди, которым не надо объяснять, где что лежит.

Ясна вышла через час.

Лицо у неё было спокойное, а руки — в пыли, и на левом рукаве темнело пятно.

— Ну? — не удержалась Ирма.

— Шов держится, — сказала Ясна. — Я подтянула верхнюю прядь и закрепила на третьем крюке. — Она отряхнула руки. — Только там нить идёт не по камню. Она идёт по камню и уходит в шов. Если шов разошёлся, значит, её тянули не туда.

Дариан записал что-то в папку и не ответил.

Второй была Ольвина. Она вышла через час и сказала только: «Держится», и села на своё место с видом человека, который сделал работу и не собирается её обсуждать.

Третьей — Мирада Эль. Она вышла раньше срока и с ободранной ладонью.

— Нить ушла вниз, — сказала она глухо. — Я её подхватила, но она ушла вниз и там застряла.

— Это не провал, — сказал Дариан. — Это запись. Идите, Мирада. Вам перевяжут руку.

Четвёртой — Керта Донн: полтора часа и довольное лицо.

Пятой — Ирма Вейс: вышла в слезах, но не сказала ни слова и с площади не ушла.

Шестой — Вила Сорн.

Лея смотрела, как девушка идёт к шатру: спина прямая, шаг мелкий, руки прижаты к бокам, будто она боится что-нибудь задеть. У входа она остановилась.

— Господин Вельт, — сказала она. — А если я не смогу?

— Тогда вы выйдете и скажете об этом, — ответил он. — Это тоже ответ.

Вила вошла.

Потом прошло полчаса, и из шатра донёсся глухой короткий стук: уронили моток. Лея встала.

— Сидите, — сказал Дариан, не поворачивая головы.

— Там что-то упало.

— Внутри столпа падает многое. Старое дерево и старый камень.

— Она там одна.

— Она там претендентка, — сказал Дариан. — И если я войду, я нарушу первое правило. А если вы войдёте, вы нарушите второе.

Лея села обратно.

Ещё двадцать минут внутри что-то скрипело, и Вила говорила сама с собой — тихо и ровно, как уговаривают ребёнка.

Вила вышла через час: платье в пыли, коса растрёпана, глаза сухие.

— Я не удержала, — сказала она. — Нить провисла, и я её подвязала. Плохо. Господин Вельт, я не удержала.

— Вы её подвязали? — переспросил Дариан.

— Я не знала, что делать. — Вила сцепила руки. — Она провисла, и я подумала: если провиснет сильнее, к вечеру её сорвёт, и шов разойдётся на два пальца. Я подвязала. Может, неправильно.

Дариан долго смотрел на неё.

— Идите, Вила, — сказал он наконец. — Посмотрим вечером.

Последней была Лея.

* * *

Внутри было темно и пахло старым деревом, в которое давно не заглядывали: пылью, смолой и чем-то кислым. Лея постояла, давая глазам привыкнуть.

Нить шла от крюка на левой стене к крюку на правой — толстая, в три пальца, свитая из шерсти и конского волоса, натянутая неровно: с одной стороны туго, с другой провис. В провисе лежало узкое место, потёртое до блеска и тоньше на треть.

Лея подошла и тронула её. Нить ответила тем самым чувством, которое её учил ловить старый Орм: как будто под кожей натянули струну и держат, и ты слышишь её ладонью.

Нить была усталая.

Она не собиралась рваться. Она просто устала — как устаёт верёвка на колодце, которую десять лет тянут в одну сторону.

— Тебя тянули в одну сторону, — сказала Лея. — Десять лет, а может, двадцать. И тот, кто тебя тянул, не смотрел, где ты трёшься.

Она обошла столп кругом, осмотрела крюки, потрогала шов. Потом села на пол и стала ждать ветра.

Ветер пришёл в четверть двенадцатого.

Сначала он просто гудел в шатре, и нить чуть качнулась. Потом надавил, и провис выбрал слабинку, и в узком месте — Лея слышала это всей ладонью — нить заскрипела.

Тогда она сделала то, что делала всю жизнь со старыми основами: стала отпускать.

Она перехватила нить ниже потёртого места, освободила от одного крюка и перевела на пустой второй, и дала провису уйти вниз, к полу, где нить не тёрлась о камень. Ветер надавил снова — и нить не заскрипела: она выбрала слабинку внизу и легла на деревянную подушку, которую кто-то давно вбил в пол.

Лея посмотрела на эту подушку и села обратно.

— Вас тут двое было, — сказала она нити. — Один вбил подушку. Другой про неё забыл. К вечеру ветер стих. Лея вышла, и Дариан Вельт поднял голову от папки.

— Ну? — спросил он.

— Шов не разошёлся, — сказала Лея. — Провис я перевела на нижнюю подушку. Нить по-прежнему потёрта в одном месте, и если её не перевить к весне, к осени она порвётся там же, где тёрлась.

Вокруг стало тихо.

— Подушка, — повторил Дариан. — Нижняя подушка в северном столпе. Она там есть?

— Есть. — Лея пожала плечами. — Вбита в пол, аршин от стены, под провисом. Я думала, это мусор.

Дариан закрыл папку. Пальцы у него чуть дрожали — так дрожат руки у человека, который много пишет.

— Госпожа Марр, — сказал он, — подушку в северный столп вбил я. Десять лет назад. Я был претендентом и не прошёл, и тогда мне сказали, что провис переводить нельзя, потому что так не делают. — Он помолчал. — Мне сказали это на площади, при людях.

Лея посмотрела на его шрам у большого пальца и не сказала ничего.

— Итог первого испытания, — сказал Дариан громко, чтобы слышали все. — Прошли: Ясна Корв, Ольвина Кресс, Керта Донн, Лея Марр. Вила Сорн — остаётся, потому что подвизала нить и сохранила шов, и это решение распорядителя. Мирада Эль и Ирма Вейс — уходят.

Мирада встала без удивления. Ирма заплакала — тихо, аккуратно, вытирая глаза тыльной стороной руки.

А когда все начали расходиться, к Лее подошла Ясна Корв.

— Госпожа Марр, — сказала она. — Вы сказали про подушку раньше, чем вошли.

— Я не говорила про подушку.

— Вы сказали: латать надо там, где рвётся. Мне это передали: мой отец сидит в совете, а в совете пересказывают всё. — Она чуть наклонила голову. — Я собираюсь выиграть. Но не за вашей спиной.

Лея вытерла руки о фартук.

— Тогда у нас будет честный отбор, — сказала она.

— У нас будет тяжёлый отбор, — поправила Ясна и ушла, и её коса качалась ровно, как маятник.

Глава 3. Восемь часов

На следующее утро Лея пришла к столпу в шесть, за час до назначенного, и обнаружила, что не она одна такая.

Ольвина Кресс сидела на камне у воды и чинила моток. Она посмотрела на Лею, кивнула и подвинулась, освобождая место.

— Рано, — сказала она.

— Привычка.

— Привычка — это когда ты не помнишь, зачем, — сказала Ольвина. — А я помню. У меня мастерская на Речном, восемь подмастерьев, и если я не стану Хранителем, весной они пойдут по домам. — Она подтянула узел. — Четверо из них — мои.

— Дети?

— Подмастерья, — сказала Ольвина. — Дети у меня взрослые, у них свои станки. Подмастерья хуже детей, они верят, что я знаю, что делаю.

Лея села рядом и опустила руки в воду — привычка с детства, вода в Стреже холодная и пахнет тиной.

— Ольвина, — сказала она. — Сколько лет северному столпу?

— Сто тридцать, — ответила та, не задумываясь. — Его ставили после второго потопа, вместе с южным и западным. Восточный поставили раньше, он вообще самый старый, но его переложили.

— А когда на нём нить меняют?

— Раз в год, на весеннем совете. Приходит Хранитель, крюки осматривают, нить перебивают, всё записывают.

— И что записывают?

Ольвина прищурилась.

— А вот это хороший вопрос, — сказала она. — Я его задавала дважды. Мне дважды ответили, что записывают то, что положено.

* * *

Испытание второго дня было поставлено иначе.

Дариан пришёл со свитком, и на этот раз рядом с ним шёл человек в сером — невысокий, с лицом, как у человека, который всю жизнь считает, — и держал перед собой раскрытую книгу.

— Совет направил своего писаря, — сказал Дариан. — Испытания записываются в книгу, книга идёт в архив.

— Меня зовут Кест, — сказал писарь, и голос у него сорвался. — Простите. Меня зовут Кест, я буду записывать.

Лея посмотрела на него внимательно. Тот самый Кест. Тот, чьей рукой вписали её имя в список.

Он выглядел на двадцать три года, у него было круглое лицо и красные, не выпавшиеся глаза, и он очень старался не смотреть на Лею.

— Второе испытание, — сказал Дариан. — Вода.

Все обернулись к реке.

— Сегодня ночью на Стреже открыли шлюзы выше по течению, — продолжал он. — К вечеру вода поднимется на два локтя. В Нижнем квартале три подвала стоят ниже линии, там сухо круглый год, потому что столп держит воду. Ваша задача — удержать воду по ту сторону подвалов и не пустить её на столп.

— Как именно? — спросила Керта Донн.

— Как умеете, — сказал Дариан.

Это был, решила Лея, честный ответ и очень неприятный.

* * *

Первой в подвал шла Ясна.

Она вышла через час и сказала:

— Вода стоит. Я поставила щиты на втором спуске и закрепила нитью.

Второй шла Керта. Она вышла рано и объявила:

— Вода стоит.

Третьей — Ольвина. Она вышла через полтора часа и вытирала руки о передник с таким видом, будто вывернула чужие карманы.

— Вода стоит, — сказала она. — Но она стоит потому, что я заперла спуск, а не потому, что столп держит. Господин Вельт, второй спуск забит старой штукатуркой, там водосток с восьмидесятых годов, и его никто не чистил. Если вода поднимется выше локтя, она не пойдёт мимо, она пойдёт внутрь.

Дариан записал.

— Госпожа Кресс, — сказал он, — вы сейчас рассказали собственное испытание засову и полившику. Я обязан это записать.

— Записывайте, — сказала Ольвина. — Я не про отбор. Я про город.

Четвёртой шла Вила Сорн, и Лея поняла, что волнуется зря: девушка шла в подвал, как идут в чужой дом, где всё такое же, но расставлено иначе.

Она вышла вовремя, сказала «вода стоит» и села. Руки у неё дрожали.

— Вила, — сказала Лея, не удержавшись. — Ты в порядке?

— Да, — сказала Вила. — Она стояла ровно. Я не трогала её, правда. Я не трогала.

Последней в подвал шла Лея.

* * *

Подвал был длинный и низкий, с кирпичным полом и четырьмя столбами, на которых лежали балки. На втором спуске, где сходились две стены, уже трясло воду — тонкая плёнка шла по кирпичу и впитывалась в шов.

Лея присела и положила ладонь на пол.

Нить проходила под полом. Она была здесь не такая, как в столпе: тоньше, и в ней была натянута третья прядь, жёсткая, как сухая жила. Лея потянула за эту прядь мысленно, и снизу, из-под кирпича, пришёл ответ — далёкий, глухой, будто из-под воды.

— Ты устала, — сказала Лея. — Тебя дёргают за одну прядь, а ты держишь всё.

Она встала и пошла вдоль стены, и на четвёртом столбе нашла то, чего не ожидала: свежий затес. На балке, у самой стены, дерево было снято ножом — небольшая площадка, как сиденье, и на ней лежал кусок мешковины.

Кто-то приходил сюда и что-то здесь делал. Недавно.

Лея села на корточки и потрогала затес. Дерево пахло свежим соком. С неделю, не больше.

А потом вода в подвале начала подниматься.

Она шла из-под пола, через швы между кирпичами, — не с реки, где её ждали, и за четверть часа дошла до щиколотки.

Лея взяла мешковину, свернула её в жгут, обмотала нитью — той самой, что шла под полом, — и подоткнула жгут под шов с обеих сторон, а потом уложила сверху щит, который стоял у стены. Вода надавила, шипела, прошла между кирпичами и встала.

И тогда Лея поняла, что она сейчас держит воду не нитью. Она держит её тряпкой и щитом.

Нить была цела. Нить держала по-прежнему. Но в том месте, где она тёрлась о кирпич, провис лежал в воде, и Лея знала, что бывает с нитью, которая сутки лежит в воде: она разбухает, а потом, когда вода уйдёт, садится и рвётся чуть выше мокрого места.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Значит, он.

Она выбрала щит, подобрала с пола обломок кирпича, подперла шов в двух местах и вышла.

Дариан ждал её у лестницы.

— Вода стоит, — сказала Лея.

— Стоит, — согласился он. — Госпожа Марр, вы просидели на полу двадцать минут.

— Я слушала.

— Что?

— Что вода делает с кирпичом, — сказала Лея. — Господин Вельт, у вас в четвёртом столбе затес. Кто-то неделю назад снимал дерево ножом, сидел на балке и что-то там делал. Мешковина лежит.

Дариан не ответил сразу. Он смотрел на неё очень спокойно, и Лея вдруг поняла, что он сейчас решает, что ей сказать.

— Затес, — произнёс он. — Вы уверены?

— Уверена.

— Тогда мы это запишем, — сказал он. — В книгу.

— В книгу совета?

— В книгу совета, — подтвердил Дариан. — Итоги второго испытания: прошли все пять.

* * *

Вечером Тилла принесла в мастерскую пирог с рыбой и новости.

— В городе говорят, — сказала она, — что из списка двоих убрали по ошибке, а одну добавили по ошибке. И что ошибка эта — не случайность.

— Кто говорит?

— Писарь говорит, — сказала Тилла. — Молодой, Кест. Он вчера сидел в «Трёх веслах» и выпил три кружки, а я его знаю с тех пор, когда он был вот такой. — Она показала рукой. — Он сказал: «Мне велели вписать восьмую, я и вписал». Только он не сказал, кто.

Лея отложила ложку.

— А если его спросить?

— Его уже спрашивали, — сказала Тилла. — Сегодня утром, в Соборном доме. Кто-то из совета. После этого он выпил ещё три.

Лея встала и подошла к окну. Над Нижним кварталом висел туман, ровный, как одеяло, и в тумане где-то далеко, у воды, стоял северный столп с подушкой, которую вбили десять лет назад и про которую забыли.

— Тилла, — сказала она. — А кто в совете ведёт мастерские?

— Гарм, — сказала Тилла. — Мастер цеха. Он же твой долг держит.

— Гарму не нужна в отборе ткачиха из Нижнего квартала, — сказала Лея. — Гарму нужна мастерская.

— Ну?

— Ну вот и я думаю: зачем ему было вписывать меня в отбор? Если я выйду из отбора, я потеряю мастерскую. Если я останусь и провалюсь — тоже потеряю. — Она обернулась. — Ему было бы довольно просто выставить меня должницей. Вместо этого он дал мне семь недель.

Тилла смотрела на неё, и в её круглых тёмных глазах было что-то вроде сочувствия.

— Значит, не Гарм, — сказала она.

— Значит, не Гарм, — согласилась Лея. — И я не понимаю, кто.

Она легла спать в мастерской, на полу, и ей снилось, что она снова внутри столпа и что нить у неё в руках очень тёплая, живая, и тянется куда-то вниз, к воде, и кто-то на другом конце этой нити держит её и ждёт, пока Лея догадается спросить, кто он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.